

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
роман

АЙНАВИ
ДЖУЛИАН ХИТЧ

БЫВШИЕ

наша мая

Айнави

Бывшие. Снова моя

«Автор»

2026

Айнави

Бывшие. Снова моя / Айнави — «Автор», 2026

В день, когда я узнала, что после трех лет лечения, наконец, беременна, мой муж исчез. Оставил после себя только грязные следы в прихожей и многомиллионный долг перед теми, кто не погнушается ничем, чтобы вернуть свои деньги. Моя жизнь превратилась в ад, в котором я выжила только благодаря своей малышке, ради которой смогла стать сильнее. Но спустя два года, когда я почти смогла встать на ноги, из прошлого вернулся тот, кого я совсем не ждала. Арсений — мой первый мужчина, жестоко разбивший мне сердце. Он хочет меня вернуть. Забрать себе вместе с дочкой. Но разве можно снова поверить тому, кто однажды предал?

© Айнави, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Лада	7
Глава 2. Лада	10
Глава 3. Лада	12
Глава 4. Лада	14
Глава 5. Лада	17
Глава 6. Лада	20
Глава 7. Лада	23
Глава 8. Лада	25
Глава 9. Лада	28
Глава 10. Лада	31
Глава 11. Лада	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Бывшие. Снова моя

Пролог

— Открывай, сучка!

От бешеного стука в дверь трясутся стены. Встаю с кровати, будучи одетой и обутой. Пришлось научиться спать в таком виде. Потому что два месяца назад муж исчез из моей жизни. Оставил с дочкой под сердцем и кучей долгов. И больше ничего — ни записки, ни сообщения. Собрав вещи, забрав ключи от машины и опустошив семейный счёт, Женя словно сквозь землю провалился.

— Мы дверь выломаем, я тебе клянусь! — доносится очередной крик из подъезда.

Я знаю, что они могут это сделать. Это я быстро поняла. Пожелтевший синяк на скуле и разбитый телефон служат тому доказательствами.

Мне не у кого искать защиты. В полиции заявление конечно приняли, но что толку? Женю они вряд ли найдут, а раз его нет, то долг мне возвращать. И сегодня они пришли за деньгами. Как и несколько раз до этого за последние два месяца. Я сплю в одежде и обуви в надежде, что если они зайдут дальше, то я смогу вырваться и убежать. Глупо надеяться на подобное, но это единственное, что не даёт сойти с ума.

За стенкой у соседей заливаются Рекс. Но собака — единственное существо в нашем подъезде, кто реагирует на происходящее. Соседям дали понять, чтобы они не совались свои носы туда, куда не просят. Когда-то я наивно думала, что отбитые коллекторы — это пережиток прошлого. Может, и так. Вот только ко мне приходят настоящие бандиты. Да, внешне они на них не похожи, но суть та же: наглые, опасные, беспринципные и злые.

Очень злые.

— Открывай, сучка! Иначе очень пожалеешь!

Иду к двери и, закрыв глаза, щёлкаю замком.

— Лада, милая! Проснулась! — Из-за спины двух бугаев появляется Фёдор.

Сглотнув, я отступаю. Лучше ещё раз получить по лицу от его прихвостней, чем говорить с этим скользким типом. От взгляда его маленьких близко посаженных глаз кожа мгновенно покрывается холодным липким потом. Он никогда не повышает голос, но каждое слово вызывает почти неконтролируемый приступ паники.

— Милая, неужели ты забыла о наших договорённостях? — Я молчу, потому что вопрос риторический. Я всё прекрасно помню. — Моё терпение заканчивается.

— Я знаю, что времени осталось мало, — говорю тихо. — Но оно есть...

Фёдор подходит почти вплотную. Он ниже меня, с плешью на макушке и большим пузом. Меня тошнит от его близости.

— Милая, я не могу ждать. Я очень добр с тобой. Вошёл в твоё положение. — Бросает красноречивый взгляд на мой едва наметившийся живот. — Но я очень, очень не люблю, когда меня пытаются обмануть. Долг мужа теперь твой. И я возьму своё так или иначе. Ты красивая девочка, — тянется к моему лицу, но я отшатываюсь. — На тебя найдутся желающие даже на беременную.

Мне приходится приложить немало усилий, чтобы не расплакаться прямо перед этой тварью. Слезы его только раззадорят.

— Я нашла покупателя. Я успею отдать деньги в срок, — выдыхаю почти шёпотом.

— Верю, милая, верю, — усмехается Фёдор. — Иначе начнут проценты капать.

— Я заплачу.

Фёдор скользит по мне сальным взглядом и всё-таки касается, проведя ладонью по талии.

— Жду звонка, Лада!

Дожидаюсь, когда он со своими приспешниками зайдёт в лифт. Улыбнувшись мне так, словно мы старые друзья, машет ладонью на прощание. Как только створки лифта закрываются, я срываюсь с места и бегу в ванную. Меня выворачивает желчью, потому что я ничего не ела с вечера. Силы покидают, и я сползаю на пол у раковины. Хочется разреваться, но я не могу позволить себе такую роскошь. Наоборот, выдавив улыбку, глажу себя по животу, тихо приговаривая:

— Ничего, малышка, всё будет хорошо. Мама справится, вот увидишь.

И всё же одна слезинка стекает по щеке. Поспешно стерев её, поднимаюсь на ноги.

Я должна быть сильной. Потому что другого выбора мне не оставили.

Глава 1. Лада

Зажав в руке на этот раз положительный тест на беременность, пытаюсь убедить себя — это реальность! Не верится. Просто не укладывается в голове, что я увидела две заветные полоски. Когда почти три года пытаешься забеременеть, в какой-то момент прекращаешь считать, сколько использованных тестов отправилось в мусорное ведро. Сколько раз я плакала в подушку, пока Женя гладил меня по спине.

«Мы попробуем ещё раз», — всегда говорил он.

Месяц за месяцем.

Он не терял веры. И его спокойствие дарило мне силы, чтобы не сдаваться.

Диагноз «бесплодие» мне поставили два года назад, после чего потянулась нескончаемая череда анализов, консультаций, новых методов лечения. И вот — я победила. Нет, не так... Мы с Женей победили.

Я резко осекаю себя. Вдруг моя радость окажется преждевременной. Врач ещё ничего не подтвердил.

Кожаная сумка скрипит под пальцами, которые я сжимаю до побелевших костяшек. Минуты тянутся мучительно медленно. Ожидание убивает. Я на грани того, чтобы ворваться в кабинет врача и напомнить пациентке, которая зашла передо мной, что её время вышло.

Радость постепенно сменяется привычным страхом. А вдруг две полоски на тесте — это всего лишь ошибка? В приступе внезапной паники набираю Женю.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети».

Звонок обрывается.

Ладони мгновенно становятся влажными.

«Глубокий вдох. И тихий выдох», — шепчу себе. Стресс — это последнее, что мне сейчас нужно.

Дверь кабинета открывается. В коридор выходит счастливая девушка, бережно придерживая огромный живот.

— Спасибо, доктор! Надеюсь, через пару недель пришлю вам фотографии своих близнецов. Вы спасли мой брак, меня и ещё...

— Дарья, не торопите события, — мягко, но строго прерывает её Николай Михайлович. — Соблюдайте все рекомендации. Любая нагрузка сейчас может быть чревата. Ваша радость понятна, но...

— Николай Михайлович, я поняла, — энергично кивает девушка.

Я её узнаю. Год назад мы с ней сидели в одной очереди на анализы. А теперь она вот родит. Счастливая. А я?..

— Лада? — Николай Михайлович удивлённо наклоняет голову. — У нас сегодня назначено? С утра проверял запись, но вашей фамилии не было.

Дарья бросает на меня быстрый взгляд и тут же отворачивается. И я её понимаю — никто не хочет даже близко касаться чужих неудач, особенно когда несёшь двойную ответственность. Близнецы... О таком счастье я даже не мечтала. В моём положении выносить одного — уже подвиг. Чувство зависти подкатывает к горлу — отвратительное и липкое. Ничего не могу с собой поделать.

— Лада? — зовёт меня Николай Михайлович.

— Да, простите. — Торопливо встаю на ноги. — Я попросила администратора записать к вам в срочном порядке. У вас как раз было окошечко. У меня...

— Зайдите в кабинет, — просит он, — не в коридоре же нам разговаривать. Врачебная тайна должна таковой и оставаться.

Посторонившись, пропускает меня внутрь.

— Лада, прошу, скажите, что у вас всё хорошо. Не хотелось бы расстраиваться перед отпуском, — улыбается, но немного настороженно, когда я устраиваюсь на стуле, а он присаживается в рабочее кресло.

Я, резко разжав пальцы, кладу на край стола свой тест на беременность. И только через пару секунд понимаю, что он же использованный. Тут же хватаю его обратно.

— Простите! Я... Я не подумала, что это...

— Ничего, — смеётся Николай Михайлович. — Мне и не такое на стол складывали. — Достав из пачки бумажную салфетку, забирает тест и внимательно разглядывает две чёткие полоски. Потом поднимает на меня взгляд. — Что ж, это хорошо, конечно, но давайте сделаем УЗИ, чтобы точно понять, беременны вы или нет.

Я привычно устраиваюсь на кушетке. Задираю свитер и, расстегнув джинсы, немного их приспускаю. От волнения начинает потряхивать, и Николай Михайлович это замечает.

— Лада? Всё в порядке?

— Да, секундочку! — Делаю пару глубоких вдохов и выдохов.

Как же мне не хватает Жени! Всё-таки утром надо было рассказать о том, что тест оказался положительным, и я записалась на приём.

— Готова, — произношу, хотя на самом деле волнуясь ещё больше.

Николай Михайлович наносит гель на мой пока ещё плоский живот. Приложив датчик, начинает медленно водить им чуть ниже пупка.

Сердце колотится так, словно готово выпрыгнуть и разбиться о кафельный пол.

— И?... — не выдерживаю первой.

Он отворачивается от экрана. Смотрит на меня, улыбаясь не сдержанно, по-врачебному, а широко, по-человечески.

— Вы беременны.

Заветные слова. Те, которые я ждала три года. Они звучат не как в кино — громко и пафосно. Они тихие, чёткие, волшебные.

— Лада, вы беременны. Вы слышите?

Видимо, заметив моё оцепенение, включает звук: громкий, шумный, частый стук растворяет тишину кабинета.

— Это то, о чём я думаю?

— Да. Это сердцебиение вашего малыша.

Я закрываю лицо ладонями и делаю глубокий, сдавленный выдох. Словно сама себе приказываю: радуйся. Это твоё. Прими это.

— Можно ещё немного послушать?

— Конечно.

Это лучшая мелодия на свете. Лучше любой музыки.

— Какой срок? — спрашиваю, когда снова могу говорить.

— Семь недель. — Он выключает звук и протягивает мне бумажное полотенце, чтобы я вытерла живот. — Нам нужно кое-что обсудить. Я понимаю вашу радость, — его голос снова становится профессиональным, он пытается вернуть меня из эйфории в реальность. — Но вы должны чётко осознавать риски. Не самой беременности, а того, что может помешать её выносить. Контроль анализов, УЗИ — всё будет чаще, чем обычно. Это важно.

— Это же чудо? — невпопад вырывается у меня.

Николай Михайлович морщится.

— Не люблю это слово. Мы не в церкви. Поэтому будем соблюдать протокол. Самое важное — никакого стресса. Никаких нагрузок. Только прогулки, дыхательные практики и позитивный настрой. Ну и контроль, как я уже сказал.

— Да-да, я вас поняла. Буду соблюдать все рекомендации.

— Замечательно, — снова улыбается Николай Михайлович. — Я вам сейчас распечатаю рекомендации. И как вернусь из отпуска, мы с вами встретимся снова.

— Спасибо. Огромное спасибо.

Выхожу из кабинета, окрылённая. На губах — глупая счастливая улыбка. Я представляю лицо Жени, когда сообщу ему о беременности. Как же он будет счастлив!

Вот только мы так долго шли к этому, что я даже не думала, а как собственно преподнести эту замечательную новость? Хочется сделать это как-то по-особенному, чтобы запомнилось на всю жизнь. Вспоминаю, что пару раз видела в сети трогательные видео, в которых будущие мамы дарили мужьям коробочку с тестом и крошечными пинетками. Мне нравится эта идея. Но, прежде чем отправиться в магазин, я снова набираю мужу. Увы, он по-прежнему недоступен.

Глава 2. Лада

Заезжаю в торговый центр и собираю маленькую коробочку. Теперь в моей сумке лежит настоящее сокровище — хрупкое, бумажное, невероятное.

«Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети».

Странно. Женя никогда не пропадал так надолго. Самое разумное — он забыл зарядить телефон. Или потерял. Я пытаюсь дышать ровно, но какое-то липкое, нехорошее предчувствие скребётся под сердцем. Решив не мучаться сомнениями, решаю набрать его секретарю.

— Ольга, добрый день! — здороваюсь с ней, выслушав стандартное приветствие. — Это Лада. Извините за беспокойство, переключите меня, пожалуйста, на мужа.

— Лада, здравствуйте, — её голос из официального становится дружелюбным. Она работает у мужа не первый год, и мы с ней в хороших отношениях. — Евгений Олегович, сегодня в офис ещё не приезжал.

— А где он? — вырывается у меня растерянное.

— Не поставил в известность, — отвечает Ольга, и её голос на секунду замирает. — Я так полагаю, мог сорваться на срочную встречу с поставщиками.

— Спасибо, Оля. Как приедет, передайте ему пожалуйста, что я звонила.

— Конечно, Лада. До свидания.

— До свидания, — прощаюсь машинально.

Хватаюсь за руль так, что костяшки белеют. Что случилось? В последнее время Женя не говорил мне ни про проблемы на работе, ни про новых поставщиков. Наоборот, радовался, что всё идёт хорошо. Даже предлагал подумать об отпуске, и я потихоньку просматривала сайты турагентств, прикидывая, куда мы могли поехать.

«Никаких стрессов», — в голове звучит строгий голос Николая Михайловича. И я делаю несколько глубоких вдохов и выдохов. Не стоит себя накручивать. Уверена, Женя скоро выйдет на связь и всё объяснит. Развеет туман тревоги, который успел меня окутать с ног до головы. Иначе и быть не может. Он замечательный муж. И мне не нужно думать о плохом. Наоборот, только о будущем. Ведь у нас скоро будет малыш. И сейчас важно только это. Вся моя жизнь должна теперь крутиться вокруг этого комочка под сердцем.

Вернувшись домой, чтобы отвлечься, заказываю ужин из любимого ресторана. Потом нервно расхаживаю по квартире, пытаюсь думать о будущем. О семи с половиной, если повезёт, чудесных месяцах, после которых мы возьмём нашего малыша на руки.

Коробочка стоит на столешнице. То и дело смотрю то на неё, то на телефон, то на часы. Не выдержав, опять набираю Женин номер. И снова в ответ лишь безжизненный голос автоответчицы. Ощущаю себя потерянной. Так не вовремя он пропал! Где ему быть? Его родители живут за полторы тысячи километров, да и отношения у них натянутые. За годы нашего брака он говорил с ними едва ли больше десятка раз.

«Я оставил их в прошлом, потому что у меня есть ты. И этого достаточно. Ты — мой лучший друг, моя жена, моя любовь», — так отвечал мне, когда я пыталась расспросить о них. Говорят, в паре всегда один любит, а другой позволяет себя любить. Женя любил меня больше. Потому что однажды я уже любила так сильно, что это почти меня убило. Отдала всю себя, а взамен получила пепел.

Отгоняю ненужные воспоминания. Но легче не становится. Наверное, это гормоны играют со мной злую шутку, потому что с каждой минутой я нервничаю всё сильнее. В трёх комнатах становится невыносимо тесно. Стены давят. Воздуха не хватает. Я падаю в кресло, закрываю глаза, пытаюсь представить, как ещё немного и Женя зайдёт в квартиру. Я услышу его шаги. Вскочу, выйду к нему. Обниму, поцелую, а потом вручу подарочную коробочку.

Резкий, настойчивый звонок вырывает меня из грёз.

— Доставка! — доносится из-за входной двери.

Я открываю, и несколько секунд уходит на то, чтобы понять — передо мной стоит не курьер.

Огромный мужчина. С пустыми руками. От него несёт запахом дешёвых сигарет и опасностью.

— Муж дома? — его голос низкий, хриплый.

Делает шаг вперёд, собираясь войти. Моё тело срабатывает на опережение. Я перегораживаю ему путь, инстинктивно, как зверь, защищающий логово.

— Его нет. А вы кто?

— Тот, кого тебе лучше не знать, цыпа.

Быстрым, едва уловимым движением он вцепляется в мои волосы. Боль, острая и унижительная, пронзает кожу. Рывком тащит к себе, пока мой нос не утыкается в ворот его кожаной куртки. Второй ладонью с силой зажимает рот, сдавливая губы. Я не успеваю крикнуть, не успеваю даже вдохнуть. Он грубо вталкивает меня назад, в прихожую моей же квартиры, и бросает на пол. Правый локоть пронзает острой болью.

Я лежу, оглушённая, задыхаясь от его мерзкого запаха и тяжёлой ауры. Мужик нависает надо мной, широкой спиной перекрывая свет ламп.

— Закричишь — пожалеешь. Не досчитаешься пальцев. Или зубов.

Он говорит это спокойно, почти буднично, но я понимаю — это не шутка.

Глава 3. Лада

Подтянув ноги к себе, выставляю руки вперёд в глупой детской надежде, что эти ладони смогут остановить незнакомца. Они не спасут ни меня, ни малыша. Этот мужчина сильнее, быстрее, безжалостнее. Он ударит раньше, чем я смогу дёрнуться в сторону. Да и смысл? Телефон остался в кресле, а путь к двери перегородивает его огромное тело.

— Что вы хотите? — спрашиваю, а голос звучит тонкой, надтреснутой струной.

Настоящая боль ещё не пришла, но страх уже здесь. Обволакивает всё внутри холодной, липкой плёнкой. Думать невозможно. Остаётся только древний, животный инстинкт: выжить любой ценой.

— Хочу увидеть твоего мужа. Прямо здесь и сейчас. Устроишь? — цедит он раздражённо.

Заносит руку для удара. Я вся сжимаюсь в комок, мышцы живота мгновенно сковывает судорогой. Меня никогда в жизни не били — ни родители, ни мои парни, ни незнакомцы. От этой мысли становится ещё страшнее — я не знаю, каково это. Не знаю, как это пережить.

— Я целый день не могу до него дозвониться, — вырывается у меня, и слёзы, предательские и горячие, тут же текут по щекам. — Кто вы?..

Попытка говорить с таким — очередная глупость. Ответом будет либо тишина, либо удар.

Я зажмуриваюсь.

— Смотрю, ты не особо умная, — ухмыляется мужчина. — В целом, как и твой мужёк.

В следующий момент он перехватывает меня за плечо — его пальцы стальным капканом сжимаются на плече. Дёргает руку вверх, поднимая меня с пола как тряпичную куклу, и тащит за собой на кухню.

— Сядь! — рявкает.

Едва держась на ногах, я отодвигаю стул и безвольно на него оседаю. Он отодвигает второй стул, ножками скрежеща по плитке. Развернув спинкой ко мне, садится, широко расставив ноги.

— Твой муж задолжал баблом очень серьёзным людям. И просрочил долг. Я пришёл его вразумить. Так что не трать моё время, пытаясь его защитить. Это бесполезно.

Он впервые улыбается — криво и страшно. Его взгляд тяжёлым грузом ложится мне на плечи.

— Женя не мог этого сделать! — Я не могу поверить в услышанное. Это какая-то ошибка! — У него бизнес, квартира, машина... Зачем ему ваши деньги? Это ошибка. Вы его с кем-то перепутали!

Качаю головой, слово так я смогу избавиться от кошмара. Я наверное сплю, и из-за разбушевавшихся гормонов мне снится вся эта чушь. Закрываю глаза, не в силах выносить насмешливого взгляда сидящего передо мной урода.

«Неправда!», — повторяю про себя. Это не про моего осторожного, прагматичного Женю. Он ненавидит риск, всегда просчитывает всё наперёд. Откуда у него долги? Это бред какой-то!

— Он игроман, — доносится до меня спокойный голос незнакомца. — И проиграл огромную сумму. Её нужно вернуть.

Я слышу эти слова, но не улавливаю их смысл. И тогда я смеюсь. Коротко, истерично, прижимая руки к животу, будто так могу защититься от этой безумной информации.

— Это шутка? Женя терпеть не может азартные игры.

— Может, в казино он и не играет. Зато делает ставки. Всегда крупные. Но не всегда удачно.

Ставки... Это слово падает в тишину, как камень в колодец. В голове мелькают обрывки: его онлайн-совещания по вечерам, когда он запирался в кабинете или его странная, отрешённая сосредоточенность, когда он мог даже не расслышать мой вопрос.

— Сколько?

Внутри всё леденеет, но я заставляю себя говорить. Если узнаю сумму, возможно, смогу всё решить. Отдам свои сбережения, сниму со вклада... Он уйдёт, и я сотру этот день из памяти.

— Двенадцать миллионов, — произносит буднично, раскачиваясь на стуле. Его глаза не отрываются от моего лица, ловят каждую реакцию. — И ещё... Скоро пойдут проценты, цыпа. В твоих интересах найти мужа побыстрее. Или будешь отдавать сама.

— Сколько? — переспрашиваю я. — Как? Как это возможно? Нет, вы врётё! Это нереально!

Двенадцать миллионов.

Сумма не просто большая. Она нереальная. Она из другого мира. Да, мы живём в достатке, но мы не миллионеры. Большую часть денег, которые Женя зарабатывал, сразу же вкладывал обратно в бизнес. Много средств уходило на обследования и лечение, чтобы я смогла забеременеть. Мы в нормальный отпуск-то впервые собрались!

— Быть такого не может! Это же...

— Цыпа, стоп! — Мужчина резко наклоняется ко мне, перебивая.

Я замолкаю в шоке, а он достаёт из-за пазухи сложенный напополам лист бумаги. Протягивает мне.

— Что это?

— Читать умеешь? Давай, цыпа, не беси.

Дрожащими пальцами я разворачиваю лист. Передо мной оказывается ксерокопия расписки. Пытаюсь вникнуть в текст, но буквы плывут перед глазами. У меня уходит несколько минут на то, чтобы прочитав всего несколько строк, написанных от руки. На этом листке чёрным по белому обозначено, что мой муж должен двенадцать миллионов рублей какому-то Пантелеву Фёдору Ивановичу. Я же указана как поручитель по этому долгу.

К горлу подкатывает тошнота. Я продолжаю смотреть на расписку, медленно осознавая, что всё происходящее — не кошмар, а реальность.

— У этого, — я бросаю бумагу на стол, — нет юридической силы.

— Цыпа, думаешь мне не насрать? — усмехается мужчина. — Никто не будет разбираться с тобой по закону. Есть долг, и твой мужик или ты его выплатите. Срок — неделя. И это я ещё добрый.

Он встаёт так резко, что стул падает. Не поднимает его, а пинает ногой в мою сторону. Спинка больно бьёт по голени. От неожиданности я резко дёргаюсь. Рукой задеваю подарочную коробочку, которую приготовила для Жени, и та падает на пол. Крышка соскакивает, и содержимое вываливается наружу.

Мужик смотрит на тест, выпавший прямо ему под ноги. Потом поднимает на меня глаза.

— Дура ты, цыпа, от такого рожать, — в его голосе впервые прорывается что-то человеческое. — Мой тебе совет, рассчитывайся побыстрее. Если Пантелей сам придёт, наш разговор тебе вершиной вежливости покажется.

Он уходит, и я наконец остаюсь одна. Становится так тихо, что я слышу собственное сбивчивое дыхание. Расписка так и лежит на столе, и я боюсь на неё смотреть, будто это не бумага, а ядовитая змея.

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я встаю на ноги. На автомате поднимаю стул и ставлю его на место. И тут же низ живота простреливает болезненным спазмом.

«Никаких стрессов», — звенит в ушах голос Николая Михайловича. Я пытаюсь сделать глубокий вдох, но давлюсь воздухом, потому что в этот момент вижу, как на светлую плитку, прямо между моих босых ступней, падает тёмно-алая капля крови.

Глава 4. Лада

Нет! Нет! Нет! Только не это!

Медленно бреду в комнату, где в кресле остался телефон. В глазах темнеет, реальность плывёт. Оседаю на мягкое сиденье, пытаюсь набрать заветные цифры, чтобы вызвать скорую.

— Малыш... — шепчу, слыша бешеный стук собственного сердца.

Нажимаю вызов, далее автоответчик. Я снова нажимаю какие-то цифры, но всё в полубреду. Я так до конца и не понимаю, удалось ли мне объяснить диспетчеру, что случилось и куда надо приехать, когда чёрные точки перед глазами сливаются в сплошную тёмную пелену.

— Девушка! Девушка, вы меня слышите?

Прихожу в себя от резкого неприятного запаха. Пытаюсь отвернуться, не сразу понимая, где я вообще нахожусь.

— Давайте, девушка, приходим в себя.

Постепенно в голове немного проясняется. Я сижу в кресле, а передо мной, склонившись, стоит врач скорой — немолодая женщина с добрыми, но усталыми глазами.

— Как вас зовут? — спрашивает.

— Лада...

— Хорошо, Лада, сможете сказать, что случилось?

— Я беременна, семь недель. Мне стало плохо... Кровь... Оттуда. — Опускаю взгляд на бёдра, а перед глазами картинка с каплями крови на светлой плитке.

— Понятно. Сейчас померяем давление и поедem в перинатальный. Там вам помогут. Документы у вас есть? Паспорт, полис?

— В сумке, в прихожей, на комодe.

— Принеси, пожалуйста, — бросает женщина кому-то.

И только в этот момент замечаю, что возле дивана стоит молодая девушка, явно её напарница.

Получив сумку в руки, достаю документы. Девушка начинает заполнять бумаги, а женщина постарше занимается мной.

— Как давление-то уронили, — качает она головой. — Сейчас укольчик вам сделаем и поедem в перинатальный на Кутузова.

Я могу только кивать и выполнять то, что мне говорят.

Уже в скорой, когда мы отъезжаем от дома, мне становится немного легче. В голове проясняется, и я понимаю, что мне нужно совсем в другое место.

— Мой врач из Медицинского центра Бельчунского... — я запинаюсь, мозг отказывается выдавать адрес. — Я никому другому не доверяю. Отвезите меня туда.

— Мы не такси, — сухо отвечает врач.

— Пожалуйста, — прошу я. — Там врач, который ведёт мою беременность.

— Вы хотите ребёнка сохранить?

— Конечно!

— Тогда постарайтесь успокоиться. Вам сейчас нельзя нервничать. И поверьте моему опыту — в перинатальном отличные специалисты. И чем быстрее вы к ним попадёте, тем лучше.

— Телефон... Я могу позвонить?

— Конечно, — кивает врач.

Я достаю из сумки смартфон. Рука сама собой тянется, чтобы набрать Жене. Вот только я понимаю, что это бесполезно Мужа у меня больше нет. Единственный якорь в этом хаосе — Николай Михайлович. Ищу его контакт и, нажав на вызов, прижимаю телефон к уху.

— Николай Михайлович, добрый... вечер. Извините, я...

— Лада? — В этот момент сирена, кажется, взывает особенно громко. — Вы в скорой? Что случилось? — Его голос мгновенно меняется.

— У меня кровотечение. Меня везут в перинатальный центр. Я не могу... Я не хочу туда! Я потеряла сознание, я...

— Лада, успокойтесь, пожалуйста, — перебивает меня. — Всё правильно. Вам нужно как можно быстрее попасть в стационар под наблюдение врачей.

— Я боюсь, — едва не плачу, — что они не станут пытаться спасти ребёнка. Просто сделают чистку.

— Лада, ну что вы, — пытается успокоить меня. — Никто вам не сделает никакую чистку просто так. Не накручивайте себя, вам надо наоборот успокоиться.

— Я доверяю только вам. Мне страшно. Я не могу потерять ребёнка. — На глаза наворачиваются слёзы, и я громко всхлипываю.

— Лада, я к вам подъеду. Поговорю с коллегами, дам свои рекомендации. Хорошо?

— Да, — соглашаюсь я. — Спасибо вам.

— Вот и договорились. Вы же пока постарайтесь успокоиться. Это важно.

— Хорошо.

Мне и правда становится немного спокойнее.

Приёмное отделение встречает суматохой, запахом антисептика и новой порцией страха. Я сжимаю телефон так, что чехол трещит.

— Что тут у нас? — К нам подходит высокая худощавая женщина в белом халате. Приняв у врача скорой бумаги, быстро читает анамнез. — Идёмте, — обращается ко мне.

Дальше я словно в водоворот попадаю: осмотр, куча вопросов, анализы, УЗИ. Я словно возвращаюсь в ту же точку, с которой начался день. Но теперь вместо радости и надежды я наполнена страхом потери. Наконец доктор, та самая, что приняла меня со скорой, выносит вердикт. Она сыпет медицинскими терминами, среди которых я улавливаю главное: беременность попробуют сохранить.

После меня отводят в палату. Я переодеваюсь в спортивный костюм, который успела взять из дома, ложусь на кровать и мне ставят капельницу.

В палате ещё две девушки. Одна спит, вторая, отвернувшись, тихо плачет. Мне тоже хочется, но я стараюсь держаться — не ради себя, а ради малыша, который внутри меня цепляется за жизнь.

— Можно? — примерно через час дверь в палату открывается, и я вижу Николая Михайловича.

— Конечно, — пытаюсь улыбнуться.

Он здоровается с девушками и проходит ко мне. Взяв стул, присаживается у кровати. Я пытаюсь приподняться, но он мягко меня останавливает:

— Нет, Лада, лежите. Вам сейчас вообще лишний раз лучше не шевелиться. Угроза прерывания беременности довольно серьёзная, к сожалению. Но, — спешит успокоить, — при должном лечении, а главное, позитивном настрое, прогноз благоприятный.

— Спасибо, что приехали, — благодарю я.

Николай Михайлович повторяет то, что я уже слышала, но именно после его слов я по-настоящему успокаиваюсь.

— Что случилось? — спрашивает он, нахмурившись. — Не просто так же вы оказались на больничной койке.

— Проблемы в семье, — отвечаю уклончиво, отводя взгляд. — У мужа серьёзные проблемы.

«И у меня», — добавляю мысленно.

— Скажите, как быстро меня выпишут?

— Неправильный вопрос, Лада, — вздыхает Николай Михайлович. — Вам нужно думать не о том, как побыстрее вернуться домой, а о том, что находиться здесь вы будете ровно столько, сколько понадобится.

— Но сколько? Сколько понадобится? — спрашиваю, потому что в голове крутятся слова того страшного мужчины.

«Неделя». На то, чтобы найти деньги на погашение долга, у меня есть только семь дней...

— Минимум, неделя, — отвечает Николай Михайлович.

— Мне нужно домой, — бормочу я, сама понимая, что это абсурд.

— Лада, — его голос звучит строже, — вы останетесь здесь. Это не обсуждается. Это не просьба, это моё вам назначение. С коллегами я пообщался, они в курсе вашей ситуации и того лечения, что мы с вами проводили. Я им доверяю, это высококлассные специалисты. Мы с вами увидимся через две недели. Но в крайнем случае звоните. Я буду на связи. И, самое главное, Лада, никакой самодеятельности. Вы останетесь здесь столько... — он замолкает, глядя на меня.

— ...сколько понадобится, — заканчиваю я.

— Умница, — улыбается, после чего встаёт на ноги.

Мы тепло прощаемся.

— Спасибо вам, — благодарю ещё раз.

Когда он уходит, я отворачиваюсь к стене. Мне стало чуть легче, но я не могу не думать о долге. И о том, что будет, когда я вернусь домой. Что если кошмар повторится? Тихие, бесшумные слёзы пропитывают подушку. Ладонью накрываю ещё плоский живот, осторожно, боясь навредить.

— Прости, — шепчу я. — Мама всё испортила. Но мама всё исправит. Клянусь.

Обещание повисает в воздухе, хрупкое, как стекло. За окном постепенно темнеет, а в голове звучит хриплый голос: «У тебя неделя, цыпа».

Глава 5. Лада

Иду по больничному коридору в кабинет лечащего врача. Доктор, та самая, что принимала со скорой десять дней назад, встречает меня улыбкой. Инга Ивановна, которая в тот день показалась сухой, строгой и довольно неприятной, на самом деле оказалась не только профессионалом своего дела, но и хорошим человеком.

— Лада, в наших планах ничего не изменилось, — начинает она бодро, когда я присаживаюсь на стул. — Угроза миновала, поэтому можете возвращаться домой. Но это не повод забывать о рекомендациях. Покой, минимум стресса, прогулки. Никаких нагрузок и переживаний, — перечисляет она почти слово в слово то, что ранее я слышала от Николая Михайловича. — Принимайте прописанные препараты. На приём через две недели к своему гинекологу.

Я послушно киваю. Я буду только рада безоговорочно следовать каждому пункту из того, что она сказала. Вот только я не знаю, что ждёт меня снаружи. Десять дней я провела словно в вакууме. Мой мир сузился до размеров больничной палаты, в которой мне было спокойно и безопасно, но теперь нужно вернуться обратно. Тот страшный мужчина, что едва не довёл до выкидыша, больше не появлялся, хотя я уверена, он мог бы легко меня найти. Но не было ни звонков, ни сообщений. Хочется надеяться, что от меня решили отстать, вот только в глубине души я в это не верю.

— Спасибо, — благодарю Ингу Ивановну, забирая у неё выписку.

Потом собираю свои немногочисленные вещи, прощаюсь с соседками по палате и вызываю такси.

Подъезд встречает тишиной и запахом чего-то химического, который остаётся после влажной уборки. Поднимаюсь на свой этаж. Рука сама тянется к замку, но стоит вставить ключ, как я понимаю, что дверь закрыта, но не заперта.

Я будто примерзаю к полу, а по коже расползаются ледяные мурашки. Наверное, мне стоило бы уйти, вызвать полицию, но я, словно загипнотизированная, медленно тяну дверь на себя.

В квартире тихо, я интуитивно понимаю, что внутри никого нет. Переступаю порог, включаю свет. Первое, что бросается в глаза, грязные следы на полу в прихожей.

Медленно обхожу каждую комнату, внимательно осматривая. На первый взгляд все вещи на месте. Всё цело. Но так я думаю, пока не заглядываю в спальню. Маленький сейф, встроенный в стену и спрятанный за картиной, приоткрыт. Там хранилось почти полмиллиона рублей. «Наличка на чёрный день», — так говорил Женя. Теперь внутри пусто.

Опускаюсь на край кровати. Не плачу. Внутри — странная, звенящая пустота. Женя был здесь. Или кто-то, кому он сказал код от сейфа. Пока я лежала под капельницами, боролась за жизнь нашего ребёнка, Женя нашёл возможность, как забрать деньги, но так и не вышел на связь. Ещё одна мысль внезапно озаряет, и я возвращаюсь в прихожую, чтобы проверить, а на месте ли ключи от машины. И не удивляюсь, когда не нахожу их.

Горло сжимает тисками. Я не понимаю, как такое могло случиться? Я десять дней искала ответ на вопрос, почему Женя так со мной поступил? Но у меня так и не появилось ответа.

Ни на что особо не надеясь, набираю его секретарю. Просто, чтобы окончательно убедиться, что после себя он не оставил никаких следов, кроме грязи на полу в прихожей.

— Ольга, добрый день, это Лада. Скажите, пожалуйста, Женя появлялся? Может, звонил?

На том конце пауза. Слишком долгая.

— Здравствуйте, Лада. Нет, Евгений Олегович не появлялся. И вы знаете, наверное, нам и не стоит его ждать. Дело в том, что у компании теперь новый владелец. Оказалось, что Евге-

ний Олегович продал ему фирму. Я думала, вы в курсе... — голос у Ольги виноватый и растерянный.

Я закрываю глаза.

— Он продал? Продал всё?

— Да. Без предупреждения. Мы сами узнали неделю назад. Вот теперь пытаемся справиться с новым начальством.

— Спасибо, Оля, — выдавливаю я. — До свидания.

Продал бизнес. Забрал деньги из сейфа. Наверняка, и со своего счёта, который называл семейным, но к которому у меня нет доступа, снял все средства. Окончательно сложившаяся в моей голове картинка произошедшего становится ещё уродливее. Муж не просто скрылся от долгов. Он обокрал и наше прошлое, и наше будущее. Бросил меня на растерзание стервятникам.

Разве так можно поступать с тем, кого любишь? На глаза наворачиваются слёзы, я мотаю головой, будто пытаюсь вытряхнуть из головы тяжёлые мысли.

«Никаких стрессов», — напоминаю себе.

Да и нет никакого смысла искать ответ на этот вопрос. Однажды я его уже себе задавала. Наверное, надо просто смириться с тем, что мужчины предают женщин. Даже если говорили, что любят.

Приняв душ, приведя себя в порядок и переодевшись, иду в полицию. За время пока я была в больнице, наступили почти летние деньки. Неспешным шагом до нужного здания полчаса ходьбы, и я решаю, что мне стоит прогуляться.

Отделение встречает коктейлем из разнообразных запахов, среди которых острее всего выделяется аромат дешёвого кофе. К горлу мгновенно подкатывает тошнота, и мне стоит немалых усилий, чтобы не выскочить обратно на улицу.

После непродолжительного разговора с дежурным я пишу заявление и, на удивление, довольно быстро попадаю к молодому сотруднику. Без особого энтузиазма он забирает у меня бумагу и начинает задавать вопросы:

— Последний раз когда мужа видели?

— Двенадцатого мая, утром. Мы позавтракали, и он уехал на работу.

— А пришли только сейчас? Чем же вы занимались, что пропажу мужа даже не заметили? — Смотрит на меня исподлобья.

— Лежала в больнице на сохранении, — отвечаю холодно. — Выписали два часа назад.

— Конфликты в семье были? Может, ссорились? Может, у него кто-то был?

— Нет, — говорю я твёрдо. — Не ссорились. Он просто исчез. Продал бизнес и забрал деньги из дома. Мне угрожают бандиты из-за его долга.

Полицейский поднимает на меня взгляд, и в его глазах появляется тень интереса.

— Долг? Какие бандиты?

Я рассказываю про визит мужика, про расписку. Про двенадцать миллионов. Он посвистывает, записывает.

— Расписка у вас?

— Они забрали.

— Понятно. Ну, заявление примем. Но, гражданка, если он сам всё продал и деньги взял — это не пропажа. Это он сам ушёл. Понимаете разницу? Будем искать, но... — он разводит руками.

«Но не найдём», — досказываю я про себя. Я вижу это по его лицу. Ещё один никчёмный мужчина в море таких же.

Возвращаюсь домой. Тишина в квартире давит, как бывает перед грозой. Я включаю телевизор погромче, пытаюсь заглушить нарастающее ощущение беды. Договариваюсь с мастером, чтобы завтра поменял замки в двери. Затем начинаю уборку, занимая руки и мысли чем-

то обыденным. Мою пол в прихожей. Выкидываю протухшие за почти две недели продукты, потом иду в магазин за свежими.

Вечером ложусь спать, опасаясь, что не смогу сомкнуть глаз, но сон накатывает тяжёлой волной, отправляя меня в блаженную пустоту.

В реальность вырывает стук в дверь.

— Открывай! Открывай, сучка, знаем, что дома!

Сердце останавливается, а потом взрывается бешеным ритмом. Я вскакиваю. Темно. На часах — половина двенадцатого.

Я выхожу в коридор, стараясь не издавать ни звука. Дойдя до двери, замираю перед ней, не зная, что делать... Звонить в полицию?

Стук повторяется, и вместе с ним доносится новый голос — низкий, спокойный, маслянистый:

— Лада, милая, открывай. Поговорить надо.

— Кто? — задаю глупый вопрос.

— Друзья твоего мужа. Открой. Или дверь пострадает.

Я щёлкаю замком.

Их трое. Два бугая, а между ними мужчина пониже, с плешью и внимательными, крошечными глазками-бусинками. На губах змеится холодная улыбка.

— Лада, милая! Наконец-то дома. А мы заждались, — говорит он, и его голос течёт, как тёплый мёд.

Он делает шаг вперёд, и я автоматически отступаю, пропуская его в прихожую. Его люди остаются в дверях, блокируя выход. Он оглядывается по сторонам, как будто оценивая стоимость того, что видит.

— Выздоровела? — спрашивает с неподдельным, казалось бы, участием.

Я молчу, просто киваю.

— Очень рад. Ребёночка-то сохранила? — Бросает взгляд на мой живот.

Я снова киваю, сжимая руки в замок, чтобы они не дрожали.

— Молодец. Сильная. Это хорошо. А вот с долгом не очень. Срок вышел. Где мои деньги?

— Его тон не меняется.

Он всё так же вежлив, почти по-отечески заботлив. И от этого в сотню раз страшнее.

Надежда, что от меня отстали, рассыпается в прах.

Долг никуда не исчез.

Спустя полчаса я снова остаюсь одна с «шикарным» одолжением, что могу выплатить его в течение трех месяцев. Потому что «я же не зверь, милая, и готов дать беременной женщине чуть больше времени».

Глава 6. Лада

Остаток ночи ворочаюсь с боку на бок, но сон не идёт. В голове тягуче, медленно перебираю варианты. Как отдать двенадцать миллионов? Где взять такие деньги?

Ответ один.

Продажа квартиры.

Эта мысль мне не нравится. Я долго отгоняю её, прячу в самый дальний угол сознания, но она возвращается снова и снова. Потому что другого варианта нет.

Жильё досталось мне от мамы. А ей — от деда. Он был довольно известным учёным-физиком, и за свои заслуги перед Отечеством получил эту трёшку в центре. В девяностые, когда физика стала никому не нужна, квартиру едва не продали. Мама рассказывала, как они с дедом считали каждую копейку, перебиваясь с картошки на макароны, но выстояли.

Мама пошла по стопам деда. Тоже физик, почти всю жизнь преподавала в университете. Замуж так и не вышла. Меня родила, для себя, почти в сорок.

В девятнадцать я осталась одна. Есть дальняя родня, но наши отношения — это сообщения с поздравлениями два раза в год — на день рождения и с Новым годом.

И вот теперь я собираюсь продать единственное, что у меня осталось. Место, где, казалось, иногда всё ещё можно уловить запах маминых духов и дедушкиных книг.

Я запрещаю себе думать об этом. Иначе разревусь. А плакать нельзя. Фёдор ясно дал понять: помощи ждать неоткуда. И я ему верю.

Утро начинается с проверки счетов.

Личная карта — чуть больше пятидесяти тысяч. Женя переводил деньги в начале каждого месяца на общие и мои личные нужды. Жаль, что он исчез не второго числа. Тогда я была бы богаче тысяч на сто. От абсурдности этой мысли с губ срывается смешок. Короткий, истеричный, почти страшный в утренней тишине. Делаю глоток зелёного чая, стараясь успокоиться.

Накопительный счёт, куда я годами откладывала понемногу. Не потому что не доверяла Жене. Просто мама всегда говорила, что у женщины должны быть свои деньги.

На нём почти двести тысяч.

Если экономить, этого хватит на какое-то время. Но о наблюдении в центре Бельчунского придётся забыть. Частная медицина — непозволительная роскошь для женщины, чей муж бежал, оставив кучу долгов.

Что ещё у меня есть ценного?

Хожу по квартире, собираю немногочисленные украшения и складываю в сумку. Вырученные деньги оставляю себе, на жизнь. Всё равно в двенадцатимиллионном долге это капля в море. Но это лучше, чем ничего.

Набираю единственному человеку, к которому нестрашно обратиться за помощью, зная, что она точно не откажет.

Пальцы дрожат, пока жду гудков. Надо было продумать что и как я скажу. Но чем дольше бы тянула, тем сложнее было бы решиться на звонок. Я знаю, она не осудит. Но как только расскажу ей о случившемся, я будто бы окончательно признаю — это моя новая реальность.

— Лада, привет! Как я давно тебя не слышала!

Я могла бы спросить подругу о делах и о муже, но нервы сдают, и я просто выплёскиваю:

— Марин, у меня проблемы. Большие. Мне нужна помощь.

Пауза. Короткая, но я успеваю представить миллион вариантов. Сейчас она подумает, что это развод. Или скажет, что занята. Или...

— Что случилось?

Выдыхаю.

— Валера же до сих пор держит ломбард? Я хочу сдать украшения. Мне срочно нужны деньги.

На том конце слышен шорох бумаг, щелчок ручки.

— Лада, я помогу конечно. Попрошу мужа, чтобы оформили всё по-человечески. Но... — она замолкает на секунду, — я могу узнать, что случилось? Мы можем встретиться?

— Да, конечно.

Марина называет торговый центр рядом с ломбардом.

Добираюсь до него минут за сорок, отказавшись от такси в пользу автобуса. Мы встречаемся в кофейне на первом этаже. Внутри пахнет кофе и свежей выпечкой. И эти ароматы вызывают не тошноту, а пробуждают аппетит, напоминая, что я забыла позавтракать.

Я замечаю Марину первой — её невозможно не заметить. Идеальный макияж, длинные яркие серьги, платье, подчёркивающее изящную фигуру. Она всегда была такой. Даже в юности, когда мы обе считали копейки, у неё находились деньги на наряды и украшения. Есть могла раз в день — зато в новых туфлях.

— Марина! — машу рукой, прижимая к себе сумку.

Она окидывает меня цепким взглядом. Встаёт, чтобы обнять. Как только я усаживаюсь на стул, почти приказывает:

— Рассказывай!

И я рассказываю всё. С самого начала, ничего не утаивая.

Марина слушает молча. Прикусывает губу, отводит взгляд в сторону. Со стороны кажется — ей всё равно. Но я знаю этот жест. В университете, когда мы вместе готовились к экзаменам, она точно так же уходила в себя, прежде чем выдать идеальный ответ.

— Надо было позвонить мне, когда в больницу попала. Я бы хоть еды домашней привезла.

— Прости, — вздыхаю. — Я как-то вообще об этом не думала. Отключилась от всего мира, просто радуясь, что там ко мне не ломятся эти... — голос трескается, стоит вспомнить о тех, кто приходил за долгом.

— Ладно, показывай, что принесла.

Я открываю сумку, она, перебрав мои украшения, хмыкает.

— Негусто. Жлоб твой даже подарки нормальные не делал. Вот же... — она обрывает фразу, но я легко представляю, какие эпитеты крутятся у неё на языке. — Но это капля в море. Основную сумму где возьмёшь?

— Квартиру продам.

— А жить где будешь?

— Квартира стоит больше двенадцати миллионов. Надеюсь, того, что останется, хватит на однушку. Или хотя бы на студию.

Марина кивает. Немного помолчав, добавляет:

— С этим помогу. Есть у меня знакомый риелтор — ушлый, лишних вопросов задавать не станет. Конечно, ему придётся заплатить, но я попрошу, чтоб сильно не наглед. Сделает всё быстро. Если потом нужно будет где-то пожить, то приезжай ко мне.

Я смотрю на неё, не веря.

— А Валера?

— Не будет против, — отвечает уверенно. — Дом большой, места хватит.

Я молчу. Потому что если начну благодарить — разревусь.

— Это какой-то бесконечный кошмар, — наконец вырывается у меня.

— Тебе просто не повезло, — Марина смотрит сочувственно. — Эх, Ладка, не умеешь ты мужиков выбирать. Что Арсений, что этот. Звоночки ведь были, но ты предпочла не замечать. Нельзя быть такой наивной. Теперь рассчитывай только на себя.

— Жестоко.

— Никто другой тебе правду не скажет.

Марина никогда не любила Женю. Не скрывала этого, но на меня не давила, считая, что каждый сам решает, с кем ему жить. Но насчёт Арсения... Меня дёргает при воспоминании о нём — о моей первой горькой ошибке. Вот только с ним Марина меня не предостерегала. Даже наоборот.

— Арсений тебе нравился, — говорю тихо.

Сама не знаю зачем, ведь спорить с ней я не собираюсь.

— Ну-у-у, — тянет она. — Я тогда тоже душой наивной была. Давай поедим? — вдруг улыбается. — На сытый желудок с проблемами разбираться всяко приятнее.

И я впервые улыбаюсь за все эти страшные дни. С Мариной всегда так — она не жалеет, не утирает слёзы. Всегда говорит прямо неприятные вещи, но рядом с ней любые проблемы перестают казаться неразрешимыми.

— И, Лада, — зовёт меня, — я тебя поздравляю! Это дерьмо пройдёт, а ребёнок, о котором ты мечтала, останется.

— Спасибо, — киваю я.

Марина права — всё пройдёт, а мы с малышом выстоим и будем счастливы.

Глава 7. Лада

Четыре года спустя.

— Сонечка, булочка моя! Куда же ты пропала? Как же мне тебя найти?

В нашей крохотной однушке негде спрятаться — два шага от кухни до комнаты, ещё три до прихожей. Но я каждый раз играю с дочкой так, будто у нас огромная квартира. Та, в которой я когда-то жила. В которой могла бы жить и Соня, если бы не Женя.

За четыре года случилось многое. Например, я научилась почти не вспоминать о бывшем муже. Но если порой это происходит, то внутренности больше не сворачиваются в тугую узел. Но чему-то мне приходится учиться до сих пор — жить, а не выживать, считая каждую копейку. По этой дисциплине я до сих пор не могу получить твёрдый зачёт, хотя и очень стараюсь.

— Где же моя Сонечка?.. — повторяю я. — Мой маленький зайчик.

— Мамочка!

Дочка выскакивает из шкафа у меня за спиной. Глаза горят, улыбка до ушей, волосы растрепались. Вцепляется в мои ноги, обнимая изо всех сил.

Присев на корточки, прижимаю к себе, вдыхая запах макушки — детский шампунь и что-то неуловимо родное, только Сонино. Наверное, я никогда не привыкну к этой нежности. К тому, что кто-то любит меня просто так. Без условий. Без обещаний, которые потом рассыпаются в прах.

— Помнишь, что я тебе говорила? — осторожно начинаю я.

— Тебе нужно на работу, а мне... — Соня сразу сникает.

Она всё понимает.

Моя маленькая взрослая девочка.

— А тебе чуть-чуть посидеть в игровой комнате. — Глажу её по спине. — Я договорилась с Катей, она за тобой присмотрит. Её мальчики тоже там будут.

— Они часто в носу ковыряются и отбирают игрушки. — Соня морщится, и это так смешно, что я едва сдерживаю улыбку.

— Знаю, милая. Но в садик без справки тебя не пустят, а к тёте Марине и дяде Валере я не могу тебя отвезти. Они и так часто с тобой сидят.

— С ними весело, — вздыхает дочка тоном уставшей женщины.

Соня тяжело сходится с новыми людьми. Когда я впервые оставляла её с Мариной и Валерой, она заливалась так, что я слышала крики через закрытую входную дверь. Сердце разрывалось, но я уходила. Не из-за бессердечности. Нам нужны деньги. На еду, на одежду, на лекарства, на будущее — на лучшую жизнь, которую я пообещала дать Соне в тот самый момент, когда впервые услышала её крик. Её лёгкие раскрылись, хотя из-за преждевременных родов, врачи опасались, что этого не произойдёт, и это был самый чудесный звук на свете. Желанный, сладкий, выстраданный. Когда мне положили её на грудь, боль ушла. Растворилась. Её и не было.

— Хорошо, мамочка. — Соня прижимается ко мне.

— А потом я угощу тебя молочным коктейлем. Договорились?

— Ура! — Голубые, как у меня, глаза загораются снова.

Соня сама одевается, я помогаю только с колготками, напевая песенку из мультика. Натягивает любимую футболку с Лунтиком и синий вельветовый сарафан. Я заплетаю ей две косички, цепляя сразу несколько цветных резинок, как ей нравится.

Потом отвожу её в игровую, где сегодня на смене Катя. Мы познакомились с ней в роддоме. Её близнецы тоже родились недоношенными, и мы поддерживали друг друга, не заметив, как сдружились. Перекидываюсь с ней парой слов, оставляю сменную одежду и через полгорода еду в массажный салон, в котором по часам арендую кабинет. Делю его сразу с несколь-

кими коллегами, и не все из них чисты на руку. Потому всё необходимое приходится таскать с собой: масла, форму и прочее. Порой кажется, что рабочая сумка весит тонну. К вечеру руки гудят так, что хочется лечь и попросить кого-нибудь помассировать меня. Но я открываю телефон, смотрю на Сонины фотографии и становится легче.

Подхожу к салону, хватаюсь за дверную ручку — и в этот момент дверь распахивается так резко и с такой силой, что со всей дури прилетает мне прямо в лицо. Нос ошпаривает болью, а на глаза мгновенно наворачиваются слёзы. Я зажимаю лицо руками, чувствуя, как по губам течёт что-то тёплое.

Кровь.

Вместе с болью накрывает липким, ледяным ужасом, который так и остался в глубине души после событий четырёхлетней давности. Когда дверь моей квартиры выбивали, когда на меня орал и могли ударить, когда я думала, что потеряю дочку.

Только не сейчас. Только не паническая атака.

Я дышу. Глубоко. Медленно. Считаю про себя.

— Девушка! Ну что ж вы делаете! Кто ж так подходит к дверям!

До меня доносится мужской голос — взволнованный, виноватый. Сильные руки хватают за плечи.

— Вам плохо? Давайте присядем, сейчас...

Темнота перед глазами рассеивается. Я моргаю, промокая слёзы и кровь рукавом лонгслива.

— Девушка...

Взглядом я упираюсь в широкую грудь, обтянутую рубашкой нежно-голубого цвета. Замечаю каплю собственной крови, которая расплзается по явно дорогой ткани. Но это неважно. Всё в один момент становится абсолютно неважным...

Потому что мне знаком этот голос.

Сердце пропускает удар, потом ещё один, потом разгоняется в диком, неконтролируемом темпе. Я смотрю вниз, на свои руки, на кровь, капающую на одежду, понимая, что рядом со мной стоит тот, кого я хочу видеть меньше всего в этой жизни.

Почти восемь лет прошло, а я узнала его с пары слов.

Арсений.

Моя первая любовь. Мужчина, который разбил меня на тысячу кусков и ушёл, даже не оглянувшись.

Я хочу развернуться и сбежать, но он слишком крепко держит меня за плечи.

Глава 8. Лада

— Поднимите голову выше, иначе всю одежду разукрасите. — Арсений уверенно берёт меня за подбородок и задирает лицо вверх. — Держите!

К носу осторожно прижимает платок — свой, из нагрудного кармана. От ткани тонко пахнет парфюмом. Тем самым, который я помню так хорошо, что внутри всё переворачивается. Радует, что нос забит, и я едва слышу аромат. Иначе, кажется, просто не выдержу.

— Чистый, не переживайте. — Арсений замечает, как я дёргаюсь, пытаюсь отстраниться. — Да отпустите вы уже свои вещи. — Забирает у меня сумку. — Что вы там носите? Кирпичи?

Поняв, что сопротивляться бесполезно, больше не пытаюсь вырваться или убежать. Позволяю ему командовать, стараясь рукой, а теперь и платком, прикрывать не только нос, но и лицо. Впрочем, он пока не смотрит на меня в упор, не разглядывает, не узнаёт.

И внутри странная двойственность: я рада, что он слеп. И в то же время где-то глубоко царапает обида. Неужели я так изменилась? Постарела? Или он просто не помнит?

Восемь лет — большой срок. А женщин после меня у него, наверняка, было много. С его-то внешностью и деньгами. Дед не обманул — подарил компанию, как и обещал. Арсений всегда знал, что будет наследником. Знал и умел этим пользоваться.

— Я пойду, — говорю глухо. — Спасибо за платок.

— Я вас провожу.

Он ведь куда-то торопился, и лучше бы бросил меня, тем более я не против и не собираюсь закатывать ему скандал. Но, видимо, хорошее воспитание даёт о себе знать. Арсений и раньше, несмотря на то, что был классическим золотым мальчиком, не забывал о вежливости.

— Не нужно, вы и так спешите... — Предпринимаю очередную попытку избавиться от его заботы, продолжая прижимать платок к носу. — Всё в порядке, просто у меня капилляры близко к коже расположены. Вы не виноваты.

— Плевать. — В его голосе появляется жёсткость. — Я должен был быть внимательнее. И должен убедиться, что с вами всё в порядке.

Мои возражения для него как шорох опавшей листвы под ногами. Правой рукой он обхватывает дверную ручку и дёргает её на себя. Невольно, но я бросаю взгляд на безымянный палец. Кольца нет. Неужели до сих пор не женился? Гоню от себя эту мысль. Мне-то какое дело.

Арсений пропускает меня вперёд, сам заходит следом.

— Спасибо, — благодарю, поспешно от него отступая, чтобы не успел опять перехватить за плечо или руку. — Девочки мне помогут.

— Остановите кровь, я подожду и отвезу вас в травмпункт. Нужно исключить перелом.

— Нет! — не сдержавшись, повышаю голос. — Всё нормально, мне уже даже не больно. Спасибо за беспокойство, но дальше я сама.

— Что ж, сами так сами. Извините, что так вышло.

Бросив на меня задумчивый взгляд, Арсений ставит сумку на кожаный диванчик в приёмной и идёт к выходу, когда из-за стойки раздаётся голос администратора:

— Лада! Ладочка! Ты в порядке? У тебя кровь? Может, вызвать полицию или скорую?

Арсений замирает.

Медленно поворачивается обратно. Смотрит на меня, и на этот раз в его глазах — узнавание. Сначала тень, потом удивление, потом что-то ещё, чего я не могу прочесть.

— Нет, всё хорошо, — отвечаю администратору, не сводя с Арсения взгляд.

Я улавливаю его движение до того, как он делает шаг, и отрицательно качаю головой. Хватаю сумку и почти бегом направляюсь в свой кабинет.

Там темно. Тихо. Безопасно.

Несколько секунд прислушиваюсь к звукам из-за двери, опасаясь услышать тяжёлые уверенные шаги, но, к счастью, Арсений не собирается меня догонять. Усмехаюсь горько: не стоит надумывать то, чего нет. Он бросил меня в прошлом, и уж точно не станет искать встреч в настоящем. Первый шок от неожиданной встречи прошёл, и, наверняка, он уже обо мне забыл.

Умываюсь холодной водой, приводя себя в порядок. Кровь почти не бежит. Осторожно ощупываю нос, убеждаясь, что перелома нет. Стоило бы поддержать на переносице что-то холодное, но через пару минут должна прийти первая клиентка. Потому я вставляю в ноздри ватные турунды и быстро переодеваюсь. Застирываю пятна на лонгсливе и вешаю его на спинку стула.

— Лада Андреевна, добрый день! Можно? — Первая клиентка, Людмила Петровна, стоит в дверном проёме.

— Да-да, заходите, — отзываюсь я, радуясь, что свет приглушён. В полумраке не видно ни моих глаз, ни распухшего носа. — Раздевайтесь за ширмой, шапочка на кушетке. Позовёте, когда будете готовы.

Людмила Петровна — постоянная клиентка. Приходит обычно раз в неделю на расслабляющий массаж и долгие разговоры о детях, которые выросли и забыли дорогу к матери. Я слушаю, киваю, массирую уставшую спину. Она не жалуется — просто констатирует: «Они заняты, у них работа, семья, свои дети». И я молчу, потому что воспитание не позволяет сказать: так не должно быть. Я знаю о её здоровье больше, чем её собственные дети. Это почему-то кажется неправильным. Но кто я такая, чтобы судить?

После Людмилы Петровны — ещё четверо. Антицеллюлитный массаж, снова расслабляющий, потом общеукрепляющий, и так по кругу. Руки работают на автомате, голова занята другим. Я гоню от себя мысли об Арсении, пряча их глубоко, под кожу, под мышцы, которые разминаю на чужих телах.

К шести вечера последний клиент уходит. Я привожу кабинет в порядок. Умываюсь, удивившись, что нос опух, но смотрится более менее приемлемо. Синяк конечно заметный, но я скрываю его пудрой. Переодеваюсь и, собрав вещи, выхожу к администраторской стойке.

— Лада, выглядишь... неплохо. — Саша щёлкает ручкой, обеспокоенно разглядывая моё лицо. — Подтвердишь записи на ближайшие дни?

— Да.

Взяв планшет, пробегаюсь глазами по датам. Запись плотная. Хорошо. Это деньги. Но закрадывается мысль: а успею ли я уделить время дочке? Не слишком ли много работы беру? Но если будет меньше клиентов, то опять придётся жёстко экономить, а я хочу, чтобы Соня ни в чём не нуждалась.

Баланс, который я никак не могу найти.

Выйдя на улицу, с удовольствием вдыхаю вечерний воздух — не особо свежий, но всё равно вкусный. За время работы устаю от ароматов массажных масел. Можно было бы использовать одно, универсальное, без запаха, но у клиентов, как правило, есть свои предпочтения, и я стараюсь давать им выбор.

Зачем-то оглядываюсь по сторонам, будто на улице меня может поджидать тот, кого я совсем не желаю видеть. Конечно, Арсения нет. Что он делал в салоне? Неужели приходил на массаж? Почему я вообще о нём думаю?! Разозлившись на себя, отвешиваю себе мысленную оплеуху и спешу к остановке.

В автобусе удаётся сесть, и я прикрываю глаза. Ноги, руки, поясница гудят, но это приятная усталость, потому что она означает, что на мою карточку упадёт хорошая сумма. И на осень я смогу купить Соне новую куртку, а не искать на местных онлайн-барахолках что-то поношенное, но приличное. Да и на танцы она давно просится, и я обещала ей, что в сентябре её мечта исполнится.

— Привет, — здоровается со мной Катя, когда я наконец захожу в игровую. На её щеке — аквагрим, явно нарисованный детской рукой. Цветок, похожий на одуванчик. — Это Соня сделала, — говорит она, поймав мой взгляд. — Красота? — Катя поворачивается в профиль, чтобы я лучше рассмотрела.

— Красота, — соглашаюсь я, улыбаясь.

— А у тебя что за красота? — спрашивает, разглядывая мой нос.

— Да так, — отмахиваюсь я. — Ударилась случайно.

Взглядом ищу Соню, как Катя спрашивает:

— А этот мужчина с тобой?

— Какой мужчина?..

Я оборачиваюсь через плечо и вижу Арсения.

Он стоит у входа в игровую и смотрит на меня в упор.

Глава 9. Лада

— Что ты здесь делаешь? — Слова вырываются раньше, чем я успеваю их поймать. В них и растерянность, и шок, и что-то ещё, чему я не хочу давать название.

Арсений подходит ближе — уверенно, как будто имеет на это право. Я же едва сдерживаюсь от того, чтобы попятиться назад. Останавливает только шёпот Кати:

— Лада, а это кто?

Я успеваю только рот открыть, как сзади доносится:

— Мамочка!

Ко мне бежит Соня, но резко останавливается, заметив Арсения.

— Ой! — настороженно смотрит на него.

Арсений тоже замирает. На его лице мелькает изумление, но он быстро возвращает эмоции под контроль. Разглядывает дочку с нескрываемым интересом.

Соня идёт ко мне. Обняв за ногу, прячется за мной.

Арсений переводит взгляд на меня, и я сразу же произношу одними губами — без звука, но чётко, чтобы он точно понял:

— Уходи.

— Нет, — отвечает он вслух.

Спокойно. Твёрдо. Бескомпромиссно.

— А это кто? — Соня выходит чуть вперёд, проявляя непривычную для себя храбрость.

— Старый друг. — Арсений присаживается на корточки, оказываясь с ней на одном уровне.

Протягивает ладонь. И Соня касается его пальцев — осторожно, но без страха. Наблюдаю за этим как заворожённая. Я не помню, чтобы дочка так легко шла на контакт с кем-то посторонним.

Ни разу.

— Как тебя зовут? — спрашивает Соня.

— Арсений. Можешь звать меня Сеня, — добавляет, видимо, решив, что его имя слишком сложное для ребёнка.

Мои брови взлетают вверх. Он всегда ненавидел этот вариант своего имени. Друзья называли его Арс.

— Мама, — дочка дёргает меня за руку. — Дядю зовут почти как меня!

Я не сразу соображаю, о чём она, но потом до меня доходит: Соня и Сеня. Дочку этот факт веселит, потому что она заливисто смеётся.

— Соня, — наклонившись, говорю ей. — Иди одевайся, нам пора.

— Сеня с нами пойдёт? — спрашивает с надеждой.

— Нет.

— Да.

Произносим одновременно с Арсением.

— Ты тоже любишь молочные коктейли? — Глаза Сони загораются восторгом.

— Обожаю, — кивает он, поднимаясь на ноги.

— Милая, — вмешиваюсь, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы же хотели провести время вдвоём. Да и у Арсения дела, работа...

— Я свободен, — перебивает он, не сводя с меня взгляда.

— Я быстро, — сообщает Соня деловито и бежит к вешалке, на которой висит её джинсовая курточка.

Я нахожусь в каком-то ступоре, осознавая только то, что Арсений, словно Крысолов из старой сказки, буквально за пять минут очаровал мою дочь и увлѣк за собой. Почти так же, как когда-то сделал это со мной.

— Я ей помогу, — слышу Катин голос.

Вздрагиваю, потому что вообще забыла о том, что мы в игровой не одни.

— Зачем всё это? — шиплю раздражѣнно. — Если ты думаешь, что что-то должен мне из-за разбитого носа, то не переживай. Со мной всё нормально, можешь спокойно уйти!

— Хватит спорить, Лада, — роняет невозмутимо.

Возвышается надо мной, и я наконец могу в полной мере оценить то, каким он стал: шире в плечах, ещё увереннее в себе. На нём свежая рубашка — тоже светло-голубая, но без пятен моей крови, классические брюки. Раньше в подобной одежде ему было тесно — вечно дѣргал воротничок, словно удавку. Предпочитал потѣртые джинсы и простые белые футболки. И ещё он носил кольцо, которое я ему подарила вместо фамильного перстня, что обещал, но не спешил отдать его дед.

Сейчас на пальцах нет никаких украшений.

Сейчас он другой. Но смотрит так же. Остро, пристально, упрямо, не отводя взгляда.

— Просто поговорим, — добавляет он.

— Я готова! — к нам подбегает дочка, обутая в кроссовки и одетая в джинсовку.

— Куда пойдѣм? — интересуется у неё Арсений.

Ни секунды сомнения. Ни тени неловкости. Может, у него уже есть дети? Иначе откуда эта лёгкость в общении с ребёнком?

— Я хочу в «Муми-троль»! — Соня подпрыгивает на месте. — Там сахарная вата и коктейли.

— А нормальная еда там есть?

— Наггетсы, — Соня загибает палец. — И картошка фри.

— М-м-м, — тянет он задумчиво. — Звучит как план.

— Мама мне такое не даѣт, — с грустью в голосе жалуется Соня.

— Так, — вмешиваюсь я, понимая, что ещё немного и дочка попросит его угостить её «запрещѣнкой», — давай попрощаемся с Катей и мальчиками.

Соня машет им рукой, не отводя взгляда от Арсения, а потом протягивает ему руку. И мне только остаѣтся гадать, что за магия, нежеланная и пугающая, творится прямо у меня на глазах.

Я подхожу к Кате, которая успевает отвлечься на девочку, у которой во время прыжков на батуте сполз носок. Не выпуская из поля зрения Соню, которую за руку держит Арсений, обращаюсь к подруге:

— Спасибо, что присмотрела за дочкой.

— Да не за что, Лада, сочѣмся, — улыбается Катя. — Ты мне лучше скажи, кто это такой? — Еѣ глаза горят неподдельным любопытством.

— Просто старый знакомый. Случайно сегодня встретились.

— Да? И Соня так к нему потянулась?

— Мама! — зовѣт меня дочка, нетерпеливо подпрыгивая на месте.

— Кать, потом расскажу, ладно? Идти надо.

— Не идти, а бежать. Мужик — огонь! — подмигивает мне заговорщически.

— Кать!

— Чего «Кать»? Я тебе говорю, хватай и тащи в пещеру. Он по-моему и не против, так на тебя смотрит.

— Так, всё, пока.

Быстро обняв её на прощание, иду к Арсению и Соне. Чувствую себя растерянно, толком не понимая — ни как себя вести, ни что говорить. Я бы вполне обошлась без бесед с Арсением,

но он, держа за руку Соню и осторожно сжимая её крошечную ладошку, просто не оставляет мне шанса сбежать.

Глава 10. Лада

Мы выходим из торгового центра, и Арсений подводит нас к чёрному внедорожнику. Открыв багажник, ставит туда мою сумку.

— Куда ехать? — спрашивает у меня.

Называю адрес, он сразу кивает. Похоже навигатор ему не понадобится.

Я осматриваю салон — ни кресла, ни бустера. Значит, детей у него нет. Но для Сони здесь небезопасно.

— У тебя нет кресла. — Дочка заглядывает в открытую дверь.

Слышу в её голосе знакомые ворчливые нотки, с которыми говорю я, когда вижу нарушение правил.

— В следующий раз куплю. — Арсений серьёзно кивает. — Договорились? — Смотрит на меня. — Ехать недолго, всё будет хорошо.

Киваю, давая согласие. До кафе, и правда, нам машине не больше пяти минут.

Внутри эхом отзываются его слова про «следующий раз». Я допускаю, что ему может быть интересно узнать, как у меня дела. Может, сказывается чувство вины за инцидент с дверью. Но следующего раза точно не будет. Даже если он захочет, мне это не нужно.

Я залезаю на заднее сиденье, сажусь так, чтобы видеть всё. Контролировать. Арсений устраивает Соню рядом, пристёгивает и аккуратно поправляет ремень, проверяя, не давит ли. Дочка болтает ногами, задевая спинку переднего сиденья. На чёрной коже остаются грязные следы.

— Извини, — говорю торопливо. — Соня, аккуратнее, пожалуйста.

— Ничего, — отмахивается Арсений. — Не переживай. Поехали.

Он садится за руль. И мы едем. Медленно. Шестьдесят километров в час, не больше. Нас обгоняют, сигналият, кто-то показывает в окно непонятные жесты. Арсений невозмутим.

Я смотрю на его затылок и не узнаю того парня, который гонял по ночным улицам, не сбавляя скорости на поворотах.

В ресторане нас встречает девушка в фирменном костюме, усеянном персонажами Туве Янссон. Соня заворожённо их разглядывает.

— Вы бронировали столик?

— А надо? — Арсений удивлён.

— Если вы хотите сидеть за определённым столиком, то да.

— Столик Малышки Мю свободен? — Соня вскрикивает и трясёт ладонь Арсения. — Который с качельками.

Арсений смотрит на меня — в его глазах смесь ужаса и смеха.

— У вас свободен этот столик? — спрашивает у девушки.

Та проверяет планшет.

— Да. Сейчас провожу. Вас трое?

— Верно.

Мы идём за ней, и я вижу, как Арсений оглядывается. Плечи напряжены, взгляд цепляется за детали. Он здесь впервые. И явно чувствует себя не в своей тарелке.

— Детей у тебя нет, — констатирую тихо, когда Соня убегает вперёд.

— Почему так думаешь?

— Твои нервы тебя выдают, — усмехаюсь я.

В этот момент в него влетает мальчик лет десяти и несётся дальше, даже не извинившись.

— Эй, пацан! — Арсений оборачивается, но того уже след простыл.

— Тише. — Кладу ладонь ему на предплечье. — Это всего лишь... — не договариваю, поймав на себе его взгляд.

Смотрит на мою руку. Лицо непроницаемое — не улыбается, но и не отстраняется. Я отдёргиваю ладонь, будто обожглась. Ощущение жжения остаётся на коже.

— Вернусь через пять минут, — говорит официантка, кладя перед нами меню, когда мы усаживаемся за столик с качелями вместо стульев. — Пока можете выбрать. Сразу предупрежу: сейчас нет лимонада «Тархун» и двух пицц — с ветчиной и с ананасами.

— Спасибо, — благодарю я.

— Мне молочный коктейль! — Соня карабкается на качели.

— Но сначала надо покушать, — говорю мягко. — Куриную котлету и пюре. Хорошо? Соня кивает. С минуту мы с ней покачиваемся, пока Арсений изучает меню.

— Можно в игровую? — спрашивает дочка.

— Беги, — киваю я. — Позову тебя, когда еду принесут.

Дочка срывается с места, и через несколько секунд её звонкий голос смешивается с детскими визгами из игровой зоны.

Арсений закрывает меню, трёт виски. Сдаётся? Устал?

Уж у кого голова идёт кругом, так это у меня.

— Что ж, — наконец произносит он. — Поговорим?

Глава 11. Лада

Арсений переводит на меня взгляд. Смотрит выжидающе, будто отдавая мне инициативу. И я решаю этим воспользоваться.

— О чём же нам говорить? Может, о том, что ты использовал мою дочь, чтобы добиться своего? — выдаю в лоб, как есть.

Пусть не думает, что я не заметила его манипуляций.

— Иначе бы ты не согласилась, — отвечает спокойно, пожимая плечами. — Справедливости ради, я не знал, что у тебя ребёнок, пока не увидел Соню. Я бы и без неё уговорил тебя попить кофе.

От его самоуверенности хочется одновременно закатить глаза и стукнуть чем-нибудь потяжелее. В этом он не изменился.

— Как ты меня нашёл? Следил?

— Не сам. Попросил сотрудника из службы безопасности.

— Тебе не кажется, что это, как минимум, странно?

— Я всего лишь хотел поговорить, а на работе тебе было неудобно. Мы столько лет не виделись.

— Восемь, — уточняю. — Я прекрасно это помню.

Арсения моя язвительность не смущает. Сидит напротив, оставаясь абсолютно невозмутимым. Это злит, но одновременно немного отрезвляет — мне тоже стоит успокоиться и не показывать так очевидно, что его появление меня взволновало.

— Не понимаю, зачем тебе всё это, — продолжаю тише. — Ты мне ничего не должен.

— Просто хочу узнать, как ты поживаешь. Кем стала. Как всё сложилось. Знаешь, люди иногда общаются и после расставания.

Не такого, как было у нас. Но вслух я этого не произношу. Вместо этого включаю холодность — единственную защиту, которая у меня осталась.

— В разводе, с ребёнком и с работой массажисткой. Всё, расклад готов.

Делиться подробностями не собираюсь. Особенно про Женю — про оставленные им долги и про то, что я едва успела развестись с ним до родов, чтобы не вписывать в свидетельство о рождении.

— А ты, — добавляю я, — не женат, без детей и со своим бизнесом.

— Может, ты тоже за мной следила? — усмехается он.

— Не лсти себе. Всё очевидно. Кольца нет, с детьми ты общаешься не так, как это делает тот, у кого есть собственные, — перечисляю сухо. — И дед своё слово наверняка сдержал. Хотя странно, что ты не носишь перстень. Или он его тебе так и не отдал?

— Отдал. Но это всего лишь побрякушка.

Впервые в его голосе мелькает что-то, что выбивается за рамки спокойствия, с которым он ведёт этот разговор. Но я не успеваю понять, что именно, потому что к столику подходит официантка.

— Вы готовы сделать заказ?

— Девушка будет пепперони и облепиховый морс. Малышке — молочный коктейль, куриную котлету, пюре, — перечисляет уверенно. — А мне... Давайте бургер с мраморной говядиной и пиво безалкогольное. — Переводит взгляд на меня: — Угадал? Или хочешь что-то другое?

Я молчу, потому что он не угадал... Он вспомнил о том, что мне нравилось восемь лет назад. Я и сама забыла, что любила это.

— Оставьте, — говорю официантке.

— Выносить по готовности или всё вместе?

— По готовности, — отвечаем одновременно с Арсением.

Он улыбается уголком рта:

— Вот видишь, у нас всё ещё есть кое что общее.

Раздражает. Потому что это правда. Потому что я злюсь, а он спокоен. Потому что он не лезет в душу, не оправдывается, не просит доверять, но отчего-то хочется защищаться ещё сильнее.

— Когда вы развелись? — спрашивает будто между делом.

— Нужно Соню из игровой забрать, — ухажу от ответа.

— Ещё минут пятнадцать ждать, пока заказ принесут, — хмурится недоумённо.

— Всего пятнадцать, — улыбаюсь впервые за вечер.

Очень уж забавно Арсений выглядит, когда дело касается детей.

Минут десять уходит на то, чтобы уговорить Соню выйти из игровой. Ещё столько же на то, чтобы прогуляться до туалета и вымыть руки. Возвращаемся к столику ровно в тот момент, когда официантка заканчивает расставлять заказанные блюда.

— Кажется, я начал понимать... — тянет Арсений, наблюдая за тем, как Соня устраивается на качелях.

— Сеня, а ты ручки будешь мыть? — интересуется она, берясь за вилку. — Ручки надо мыть, иначе плохие... плохие... Мам, как называются?

— Микробы, — подсказываю я.

— Да, — кивает серьёзно. — Они тебя заболеют. Будешь сопли на кулак мотать.

А вот и фразочки из лексикона Марины. Соня их схватывает на лету.

— Не хотелось бы, — отвечает Арсений, поднимаясь на ноги. — Ручки надо мыть обязательно.

Подмигивает Соне, вызывая у неё приступ заливистого смеха. Пока его нет, я успеваю разломать котлету на мелкие кусочки, и дочка приступает к еде.

Вернувшись, Арсений смотрит на неё, не отрываясь. В его взгляде что-то странное — не праздное любопытство, а тёплое, почти удивлённое наблюдение.

— Ням-ням, — комментирует он.

Соня довольно кивает, запихивая в рот очередную порцию пюре.

— Ты овощи так же ешь? — спрашивает у неё.

— Огурцы! А помидоры не люблю.

— Почему? — отпивает из своего стакана.

— Слишком мокрые. Много сока брызгает.

— А мандарины? — В голосе Арсения проскальзывают смешливые нотки.

— Тоже не люблю.

Я не вмешиваюсь в их беседу, которая кажется мне почти нереальной. Слишком странно видеть их вдвоём. Слишком непривычно слышать этот лёгкий, забавный разговор.

Ароматы еды разжигают аппетит. Я ела утром, и сейчас понимаю, насколько голодная. Беру кусок пиццы и едва не закатываю глаза от удовольствия. Горячая, острая, с тягучим сыром. Когда я в последний раз ела такую пиццу? Не доедала за Соней, не перекусывала на бегу, а просто ела то, что мне нравится?

Арсений продолжает с ней болтать. И я снова поражаюсь тому, что моя малышка, которая неделями привыкает к новым людям, тянется к нему, как к родному. Хотя чему я удивляюсь? Я сама когда-то тянулась к нему, как к огню. Не думая, как легко обжечься.

— Десерт будешь? — спрашивает Арсений у Сони. — Или мама не разрешает?

— Можно? — Смотрит на меня с надеждой.

Киваю.

Соня хватается меню, водит пальчиком по картинкам.

— Вот это хочу, — пока

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.